



вероника долина

doloroso

Вероника Аркадьевна Долина

Doloroso

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=651015

Вероника Долина. Doloroso: Время; Москва; 2011

ISBN 978-5-9691-0634-5, 978-5-9691-0633-8

Аннотация

Прошло некоторое время с момента выхода книги «Песни» (2006). Стихов (песен) у Вероники Долиной сделалось скорее два томика, чем один. В первом – она та же, какой была и остается. Во втором – какая есть и будет. Небольшая музыкальная составляющая каждого из стихотворений – порой орнаментальных, иногда ультимативных – сделала эти песни неотделимыми от реальной судьбы автора.

Содержание

Елена Васильева

4

Конец ознакомительного фрагмента.

16

Вероника Долина

Doloroso

Елена Васильева

«ЛЕТАЮЩИЙ ДОМ»

ВЕРОНИКИ ДОЛИНОЙ

Сначала был полудетский, немного потерянный голос на старой виниловой пластинке. Было время увлечения бардовскими песнями, и даже те, кто лес видел из окна электрички, а огонь разжигал, лишь подогревая чайник на газовой плите, самозабвенно распевали: «Милая моя, солнышко лесное!». Долина стояла несколько особняком, не стремилась «ехать за туманом и за запахом тайги». Ее радости и скорби лежали в иной плоскости, простые и понятные всем, особенно женщинам:

О женщина, глядящая тоскливо,
Мужчина нехорош, дитя сопливо...

В эпоху отсутствия страстных бразильских сериалов или дамских романов в мягких обложках с черноокими красавцами на обложках сказки Виктории Токаревой или песни До-

линой так нежно и успокаивающе звучали в унисон женским переживаниям, обещая райские поля сразу за порогом дома или крепкую мужскую руку, так надежно обнимающую плечи, нагруженные авоськами с дефицитной курицей.

Пусть в комнате твоей сегодня душно,
Запомни – ты прекрасна, ты воздушна...

И, пожалуй, никто так, как она, не умел увязывать простую и обыденную человеческую суету с некоей магией, присущей каждой из нас, стоит только присмотреться, прислушаться, замереть в тишине – и за спиной с нежнейшим звуком падающего снега услышишь шуршанье разворачивающихся крыл. Может быть, месяц рождения – январь – неслучаен, как неслучайна французская спецшкола в Москве, последующее преподавание языка, на котором изъяснялись в любви безумные от страсти трубадуры. Как неслучайно название гитары, с которой Долина не расстанется уже двадцать лет: «Люитера» – что-то среднее между гитарой и лютней. И четверо детей в ее «летающем доме»: старший сын Антон – журналист и кинокритик, Олег – актер и музыкант, дочь Ася – журналист и музыкант, младший сын Матвей, школьник.

– Вероника Аркадьевна, все ваши дети, много детей, так или иначе связаны с творчеством, кроме младшего, но он школьник. Что это – гены, ваше воспитание или просто ваши

пример?

– Наверное, столько детей получилось от страха, от неуверенности в себе, от неуютности такой высокой, сильно электризовавшей и не дававшей мне покоя ни днем ни ночью. Вообще, каждый рожденный ребенок дает силу. Но число детей – не очень серьезная, не сакральная величина в моей жизни.

Мне легко давались дети, легко давалось их очень маленькое детство, легко давалось их чуть более подростковое детство, легко давались кое-какие проблемы в школе. Все были пустяки. Мне было с ними хорошо и интересно на всех этапах. И я ничего не могу сказать про материнские подвиги, связанные с появлением детей на свет и с продвижением по жизни. Тут я не специалист. Я просто мама.

Семья – очень хитрая штука. Но очень нужная. Может приносить радость, и довольно много. Но мы такие неуклюжие. Мы очень погано обеспечены. Физиологически мы мало здоровы. А так, если организм по имени «семья» поместить в симпатичные условия и дать всласть высыпаться, всласть работать, всласть отдыхать, то все будет выглядеть очень радостно. Мы немножко юрта, и нам тяжело радоваться. Но радоваться этой юрте, что хоть чуть-чуть она охраняет в мороз, хотя топится по-черному и дает возможность прилечь в углу, хотя бы вповалку, – это очень российский подход. А дети... На мою работу они смотрят чуть отстраненно: что-то им нравится, что-то не очень. Я стараюсь не

самообманываться и их остерегаю. Иллюзии, фантазии, миражи я очень поощряю в себе и в окружающих. Но только не самообман – свойство глупого сердца и неразвитого ума, это тяжело наказуется судьбой. Как говорил мой папа: «Не теряй бдительности». Это я и детям внушаю: здесь нельзя бдительности терять, здесь мало отдыха, здесь огромная работа дает малоэффективные результаты. Мои дети, однако, своей жизнью довольны. Я не учу их чтить город, государство, систему, старших, не заслуживших право быть чтимыми. Я тихо учу: человек не выше человека. Никто не старше, не умнее, не интереснее. Я предполагаю творческое, художественное начало в каждой душе. И не предвижу отпора. Поэтому очень травмируюсь, когда внезапно забегаю с ребенком и говорю: «Где у вас туалет?», а мне отвечают: «Выйдите отсюда!». Просто потому, что человек человеку, по моему внутреннему убеждению, идет навстречу.

Если человеку что-то нужно, что я могу обеспечить, – моему ребенку, моему мужу, моему бывшему мужу, моим родителям, моим приятелям, незнакомцу на улице... Я много делаю немножко сверх того, что предписано. Но выверяю свои шаги: идти ли туда-то или получить чугунной дверью по лбу. Вот это слух, здесь надо напрягаться.

У меня все в одной копилке: стихи и музыка с добычей денег, добыча продуктов, готовка.

– Любимая вами Марина Цветаева писала: «Моим стихам, написанным так рано, что и не знала я, что я поэт...».

А когда вы почувствовали, поняли, что вы – поэт?

– Не было ничего особенного. Хотя нарочно придумывай историю! Не было... Середина детства нашептывала мне что-то, дедушка мой, талантливый, яркий человек, сообщил что-то изначальное о связи музыки и слова. В четырнадцать-пятнадцать лет у меня стали складываться песенки, это быстро расшевелилось. Я не священнодействовала, не задыхалась, все было легко. Пела родным, подругам. Я очень прислушивалась к своему старшему брату, ему было двадцать лет, он лучше меня знал поэзию. В поэзии у меня были кумиры. Ведь тогда в большой серии «Библиотека поэта» вышли Мандельштам и Цветаева. Когда девчонкой я гадала по книге – ставила свою судьбу на строчку стихов, – то снимала с полки Цветаеву.

Я вся немного вопреки. Но, конечно, было и много чего благодаря. Родители меня поучили музыке, показали, как стройно книжки стоят на полке. Я была девочка, обитающая в прохладной комнате, не тепличная. Присутствовали небольшой слух и музыкальность, я училась сотрудничать с зеркалом, с косметикой, с мужским полом. И все приносило плоды. Лет в 30 я уже что-то обрела, мне сделалось видно, что я что-то имею, кроме мужа и троих детей.

– Кем для вас был Булат Окуджава, по крайней мере, в начале сочинительства?

– Я так помню этот день, уже утонувший во тьме, когда я впервые услышала, как Булат Шалвович поет: «В склянке

темного стекла из-под импортного пива роза красная цвела гордо и неторопливо...». И так я помню этот свой «ах...» во всю грудную клетку. Ничего такого уже повторить не удастся. Не мне, а вообще, в пространстве. И воздух не удастся набрать в грудь – все другое...

Пуškai судьба, таинственный биограф,
Оставит мне единственный автограф.
Пуškai блуждает в предрассветной мгле
Любовь моя – тень ваша на Земле.

Но, откровенно говоря, я не присоединяюсь к общему хору вспоминающих о нем, я, наоборот, совершенно стою в сторонке, подперев подбородок кулаком, и мне очень трудно с общими голосами слиться. Это и во всех-то вопросах непросто, а в вопросе каких-то сиропных воспоминаний о нем тем более. Ведь мои отношения с ним были суровыми, но он для меня всегда был и остается другом, учителем и в большой степени светочем. Окуджавы давно нет, а я совсем другое имя и другую фамилию ношу. Я – это я. Он был и остается он. В нас, конечно, есть схожее, есть близкое. Многим тонким и не очень тонким людям это бывает видно и слышно, но я думаю, мы все-таки разные.

– В одном из интервью вы говорили о том, что больше всего вас угнетает в нынешней жизни хамство. С этим можно как-то бороться или оно непобедимо? Что вас тревожит еще?

– Мне живется бурно. Большая семья, подростки дети – все это живет и работает, и дышит очень интенсивно, и я вместе с ними. Радует меня больше всего самый младший член семьи. К политике отношусь как к театру. А утешаюсь литературой. Правда, боюсь, что современная русская литература утратила свою речь в мировом пространстве. В прозе Европа нас по всем статьям обставила. Впрочем, уже и двадцать пять лет назад романы Макса Фриша для меня значили больше, чем романы Астафьева, что же говорить о нынешнем положении?

Чувство брезгливости вызывает у меня попсовая культура: она липкая, ее слишком много, и можно ненароком запачкать рукав. Я говорю себе: да, есть и такое кино, и такая музыка, и, вероятно, это кому-нибудь нужно, но всего этого безумно много, и я стараюсь держаться поодаль.

Я по природе созидатель, любая разрушительная деятельность не для меня. Я за то, чтобы каждый делал что-то свое, а не боролся. В созидании и будет, если угодно, заключаться противостояние пошлости, которая абсолютно видна в нашем практическо-физическо-будничном мире. Если небожительствовать, (случается это с людьми моего года рождения), то можно не замечать неслыханного огрубения охранников, попытаться не заметить невероятной простоты нравов гардеробщиков (я имею в виду людей не хрупкого старческого возраста, а здоровеннейших мужчин). Каждый окрик сделался из деревянного каменным. Всякий работаю-

щий в лакейской должности (как это испокон веков называлось) разговаривает с неслыханной интонацией. И это достижение последних лет.

Происходит невероятное исчезновение сколь-нибудь интеллектуальных людей под несметным саранчеподобным числом людей серых. Причем в гамме от светло-дымчатого, воздушно-серого до густейшего, близкого к темному антрациту.

Но вообще я научилась виртуозно избегать этого хамства, чувствовать его издалека. Но иногда попадаю в ситуации нестандартные. Вывожу я как-то машину с парковки, так вот здоровенный красивый парень, охранник, чего-то там руками машет, пытается меня куда-то носом ткнуть – ну, не успела я уйти, увернуться. Я не выдержала и спрашиваю: «Ну, что, что ты тут делаешь? Жизнь ли это для такого, как ты?» А он мне: «А куда меня возьмут после Чечни?» И подняла я свое стекло и поехала, облившись горячим потом стыда, на этот раз за свое хамство.

– Вероника Аркадьевна, в своих стихах, песнях вы производите впечатление очень одинокого человека, несмотря на кучу детей, поклонников, благодарных слушателей.

– В мире существует какой-то огромный заговор молчания. Я давно обнаружила, что люди не делятся друг с другом опытом каких-то потерь, разводов. Развод – ведь это проходит каждый второй, что же я нашла себе в поддержку и утешение? – да ничего. Чем жила? Временем и стихами. Поче-

му-то мне казалось, что хотя бы раз в неделю ко мне будут приходить мои родичи, товарищи: «Ну, как ты?». Потом пошли книжки, преимущественно западные. Понимаете, я обучена терпимости, терпению, обучена заниматься работой, а не прочим. Не до этого мне. Я произвела несколько интимных революций в своей жизни, не одну, – это страшно больно. Хотя я самозабвенно учила себя терпению. Человек не игрушечный, и масса вещей очень болезненна.

– Вы говорили как-то, что у вас абсолютно устоявшаяся жизнь, – и в плохом, и в хорошем смысле. Поменять что-то в ней, например, уехать, найти себе место в жизни там, где вам будет хорошо, не хватает сил, способности или желания?

– Возможно, что мы острее других переживаем экстренное прощание с иллюзиями. От этого болезненность сегодняшнего состояния. Мы в очередной раз оказались к чему-то не готовы. Мы были весьма молоды, когда разворачивалась перестройка, мы были все еще молоды, крепки и энергичны, когда наступила кульминация этих экзотических времен. У нас перрон, где поезд просвистал только что. Мы же очень человеческая, мягкая и разнежившаяся часть населения. По нашим беззащитным лицам нанесен очень крепкий удар. Я знаю очень многих ударенных. У нас, безусловно, есть триумфаторы – актеры, писатели, кинодеятели. У них все хорошо, и я очень за них рада. Но тонкие люди держатся за сердце и стоят на краю перрона.

Я же могу только растерянно раскинуть руки. Как же? Вот тут я живу. Выходит, что тут. Могла быть еще где-нибудь, но не смогла.

– *Кому, как не вам, знать состояние нынешней авторской песни. Кто-то воспринимает Грушинку уже как сборище случайных любителей потусоваться, кто-то восторгается проектом «Песни XX века», видя в том возрождение бардовской культуры.*

– Насчет авторской песни не могу сказать. Я всегда была не слишком крупным специалистом в этой области. Хотя когда-то был намек на большое братство, сильно отдающее панибратством. Но по молодости вполне можно было сливаться в экстазе, в дальнейшем это становилось все затруднительнее, а сейчас стало трудно совсем, и ни с кем я не сливаюсь, ни с кем рук не переплетаю и не воздеваю их совместно с кем-то.

И когда я еще была дитя, то это окуджавовское «возьмемся за руки» меня немного озадачивало. Мне казалось это таким неоправданно высокомерным с его стороны. Но – прав был, кое-чего понимал и в те годы. Понимаете, всегда было и останется очень капитальное, очень глубокое отличие человека профессионального от человека любительского. Стихи есть профессия, и сливаться в экстазе не выходит.

А общее снижение уровня налицо. Тут не надо быть никаким Шерлоком Холмсом, чтобы разглядеть, что уровень жутко снизился, стихи кошмарно разлиты водой. Концентра-

ция этого волшебного вещества, этой волшебной субстанции стихов ужасно низкая.

Я не знаю насчет времени, но со стихами все обстоит очень неважно, это факт. Конечно, пишется мне самой, и у меня есть друзья, профессиональные поэты, которые и сейчас занимаются тем, чем занимались прежде, тем, чем им предписано заниматься их поэтической природой, поскольку тут такой диктат свыше или еще откуда, и они не могут природе изменить. Но, видите ли, нет социального заказа, столь значимого, как бывал когда-то, того, что я еще успела заметить, но нет и не может быть этих полных залов. Чья-то даже очень интересная, высокого накала подборка стихов в литературном журнале уже не может стать событием социальной жизни. Это сейчас абсолютно исключено. Вот это размежевание по профессиям произошло, и нет того супердемократизма, который был распространен среди нашей инженерно-учительской интеллигенции, когда можно было в метро обнаружить полный вагон людей с новым номером журнала «Новый мир» или «Юность». Это сейчас практически невозможно. В моей традиции у нас очень большие усекования происходят... Собственно говоря, они уже произошли. Уход Окуджавы. Почти забытый Галич... Новой традиции нет. И нет никакой культурной оппозиции. Сейчас никто голоса не подымает. Во-первых, куском хлеба все заняты (что естественно), здоровьем своим (что также естественно). Но никто не занят работой в культуре так, как надо ей

заниматься. Мне кажется, ремесло с успехом вымирает, и недаром было дело – наступило следующее тысячелетие, и думаю, что той рукодельности, той элегантной, сольной ремесленности, которая была с нами всеми во второй половине предыдущего века, – ее уже нет. Все-таки для этих подлинно бардовских вещей нужно сочетание многого со многим. Нужна поэтическая культура, нужна большая независимость мышления, нужны кое-какие рукодельные моменты. Я не уверена, например, что компьютер, который завоевал столько умов и сердец, – наилучший помощник человеку поэтическому, да еще и оснащенному музыкальным инструментом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.